
А. А. ГИППИУС

**Клевета на епископа Луку:
Эпиграфические свидетельства летописного эпизода? ***

Одним из древнейших и наиболее важных памятников эпиграфики Новгородского Софийского собора является надпись Николы, «пришельца из Киева града», опубликованная в книге А. А. Медынцевой под № 182.¹ Этот замечательный текст дошел до нас только в виде фотографии кальки, снятой при ремонтно-реставрационных работах конца XIX в. и не содержащей указания на местонахождение надписи; неизвестно, сохранилось ли граффито до настоящего времени или было уничтожено (см. рис. 1).

Чтение надписи, предложенное А. А. Медынцевой, было уточнено А. А. Зализняком и воспроизводится ниже с его поправками и переводом:²

(с)[в]ѡтаѣ (со)ѡне : пом(ил)оуи : раба свое[го] нико(ло)у
пр[н]шгльѣца : ис кы[є]ва града (ѡ с)[в]оего кѣнѡзѡ ѣ[р]ослава [:]
[а ѡ ц]р[ѣ]к[ѣ]в[є] свѡтоу[ж] (в)ѡзмъзд[ѣ]никуу
[н ч](ю)до(т)ворѣ(цю) козѣ[м]ѣи дѣмѡна [:]

Перевод: 'Святая София, помилуй раба своего Николу, пришельца из города Киева от своего князя Ярослава и от церкви святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна'.³

Согласно гипотезе А. В. Кузы и А. А. Медынцевой, автор надписи, Никола, был представителем Ярослава Мудрого, присланным в Новгород после смерти Владимира Ярославича в 1052 г. Конкретизируя эту мысль, публикаторы идентифицировали Николу с известным по Повести временных

* Статья написана при поддержке РГНФ (грант № 13-01-00212а «Подготовка Свода надписей-граффити Новгорода Великого XI—XVII вв. Часть 2») и в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики». Благодарю С. М. Михеева за содействие в подготовке иллюстраций.

¹ *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. С. 114–124, 272, 273. Надпись впервые опубликована в статье: *Куза А. В., Медынцева А. А.* Запись Николы из Новгородского Софийского собора // СА. М., 1976. № 1. С. 135–145.

² При передаче текста в квадратные скобки заключаются буквы, которые сохранились не полностью и вне контекста восстанавливаются неоднозначно. Круглыми скобками обозначаются чистые конъектуры.

³ *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 276.

лет и Русской Правде (Микулой) Чудином, предположив, что именно Никола-Микула осуществлял управление Новгородом до 1054 г., когда, после смерти Ярослава, эта роль была передана Изяславом Ярославичем своему «близоку» Остромиру. При всей гипотетичности этой идентификации, статус автора как должностного лица, представлявшего в Новгороде Ярослава в период, непосредственно предшествовавший его смерти, кажется вполне вероятным. Упоминание киевской (!) церкви св. Козьмы и Дамиана (А. В. Куза и А. А. Медынцева полагали, что речь идет о дате, читая (о) **свѣтоуѣжъ (вѣ)змъздѣннику**), не противоречит этому: в молитвенном автографе на стене новгородского собора посланец Ярослава вполне мог указать не только свое официальное положение, но и имя храма в Киеве, с которым он был связан.

Предметом нашего внимания будет, однако, не надпись № 182, но другое читаемое на той же кальке граффито, о существовании которого в публикациях А. А. Медынцевой не сообщалось.⁴

Эта надпись, также занимающая четыре строки и частично поврежденная, находится выше надписи Николы, отделенная от нее пространством в 7—8 строк (об абсолютных размерах судить трудно ввиду отсутствия на фотографии линейки). Граффито не обведено рамкой, как надпись № 182, зато по бокам и под ним располагаются несколько крестов, вероятно, относящихся к этому тексту. По-видимому, самый левый, большой шестиконечный крест появился одновременно с надписью, тогда как остальные были нанесены позднее. Еще выше и правее читается однострочная надпись: **гѣ помози рабоу своѣмоу --- марътинъ**. Судя по размеру пробела, перед именем *Марътинъ* читалось слово «писал» в той или иной сокращенной форме.

Надписи 182-Б и 182-В⁵ сделаны одним почерком, отличным от почерка 182-А. При отсутствии видимых различий совпадают характерные начертания букв: *a* (с узкой петлей и отворотом влево), *p* (с округлой петлей), *ѣ* (с округлой петлей). Последний признак относится к числу ранних, предполагая датировку не позже середины XII в.⁶ Ранняя языковая черта надписи С — сохранение неорганического редуцированного в *марътинъ*; на этом фоне отсутствие редуцированного в корне *мног-* в надписи В нужно рассматривать как орфографическую условность: пропуск *ѣ* в этом корне систематически встречается уже в древнейших восточнославянских рукописях.

Итак, надпись 182-Б, как и надпись 182-В, сделана рукой Мартина. Архаизмов, специфичных для XI в. (вроде представленного в надписи А написания **ѣ** вместо **ѣ** в словах (с)[в]ѣтѣѣ, **ѣ**[р]ослава), эти два граффито не содержат. Однако и считать их сделанными в более позднюю эпоху никаких оснований нет. Само же нахождение двух больших, по меркам новгородской эпиграфики, надписей практически точно одна над другой наводит

⁴ Фотоотдел архива ИИМК, негатив № III 7301.

⁵ Здесь и далее к трем перечисленным надписям отсылают обозначения 182-А (надпись, опубликованная А. А. Медынцевой), 182-Б (верхняя четырехстрочная надпись) и 182-В (надпись Мартина); номер при этом может опускаться.

⁶ *Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. С. 228.*

на мысль, что эти тексты как-то связаны между собой. Характерно, что никаких других граффити на кальке не зафиксировано — в отличие от большинства калек В. В. Суслова, на которых надписи, в основном мелкие, представлены в большем количестве, образуя намного более плотный графический контекст. Возможно, участок стены, на котором на протяжении небольшого временного интервала появились эти три записи, оказался в дальнейшем недоступен для письма.

Обратимся к тексту надписи 182-Б. Хотя степень ее сохранности была в момент изготовления кальки хуже, чем у надписи 182-А (почему, видимо, граффито и осталось неопубликованным), отдельные фрагменты первых трех строк интерпретируются с полной определенностью. В начале первой строки реконструируется: (сѣ)ѣ[н] н[н]кол[а]; в конце — (с)ѣси. Во второй и третьей строках опознаются словоформа *владѣ|к(о)[ѣ]* и сочетание *сѣа(л с)оф(н)л моудро[с]тъ*. Уже по этим фрагментам восстанавливается синтаксический каркас и общий смысл надписи: перед нами молитва за епископа.

Для сложного места в середине первой строки непротиворечивое решение находится, если признать, что фигура, имеющая вид буквы *к*, в действительности образована сочетанием левого штриха буквы *и* и буквы *с*, а, казалось бы, хорошо читаемые буквы *го* после пробела — это *т*, лишившееся левой части перекладины, и *р* без хвоста. Все вместе прочитывается как [н] с[ѣ]ѣа(л) [тро]иц[а].⁷

Слово перед *владѣ|к(о)[ѣ]* во второй строке уверенно восстанавливается как (н)[аш][ѣ]го: прорисовщик, по-видимому, ошибся, сомкнув полукруглый низ от *е* (имеющего такой же отворот влево, как у *л* в следующем слове и *а* в предыдущем) со слегка опущенным язычком.

Для последовательности *многа-ѣста* единственно возможной представляется конъектура *многа (м)ѣста*, что дает удовлетворительный смысл и синтаксис и требует лишь допустить, что в конце первой строки утратился предлог *по*. Параллель к сочетанию *по многа (м)ѣста* содержит предисловие к Новгородской 1-й летописи младшего извода (Киевскому Начальному своду): «и по многа мѣста тако прозвани быша гради...».⁸

Двойное *м* в начале четвертой строки читается настолько ясно, что объяснять его ошибкой прорисовки не имеет смысла. Невозможность соседства двух *м* в славянском тексте заставляет думать, что первое из них является цифрой — 40, тогда как *ми* выполняет роль «фонетического дополнителя», обозначая исход словоформы числительного (ср. современную запись *1-го, 2-го* или нередкие в древних текстах формы вроде *.ѣтѣ два на десяти*). В таком случае перед нами форма творительного падежа: *зетырьми десяти*.⁹ Для синтаксической полноты не хватает лишь предлога, который, очевидно, стоял в конце третьей строки. Получаем сочетание: *сѣа(л*

⁷ От напрашивающейся реконструкции (ѣ)ѣ[рд]ица необходимо отказаться: буква перед *и* имеет округлый бок и совсем не похожа на *д*; с другой стороны, прилагательное *святая* могло стоять лишь в членной форме (ср. два других его употребления в надписи), и места для начального *б* просто не остается.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л., 1950. С. 103.

⁹ В точности так же это сочетание записано в датируемой серединой XI в. берестяной грамоте № 247: [п]о[кѣ]([п])аѣт[ѣ] сего :м:ми рѣзанами (Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 239).

с)оф(н) ѿ моудро[с]ть (съ) ѿ-ми 'святая Софія-мудрость (с) зетырьми десятиями'; под «четырьми десятиями», несомненно, имеются в виду Сорок севастигских мучеников.

Достаточная с точки зрения синтаксиса, эта реконструкция выглядит ущербной в плане формуляра. В обозначении Сорока мучеников не хватает прилагательного «святой», что особенно бросается в глаза на фоне его употребления в трех других случаях: *святой Никола, святая Троица, святая Софія*.¹⁰ С другой стороны, приложение (*пре*)мудрость при слове *Софія* известно, как кажется, исключительно с определением *Божия*. Все это делает весьма вероятным, что третья строка была длиннее и текст имел вид: сѣа(ѿ с)оф(н) ѿ моудро[с]ть (ѿиѿ съ сѣми) ѿ-ми.

Остаток четвертой строки, к сожалению, реконструирован быть не может; ясно лишь, что читаемое на кальке буквосочетание *злр* требует конъектуры — вторая буква, очевидно, была прорисована не полностью. Достаивать ее до *д*, предполагая в тексте слово *з[д]р(авие)*, не следует: примеры озвончения глухих согласных перед звонкими не встречаются в новгородской письменности ранее рубежа XII/XIII вв., тогда как наш текст безусловно относится к более раннему времени. Допустима поэтому лишь реконструкция *з[а]р...* (или *з[а] р...*). Вероятно, на *зар-* начиналась форма императива, параллельная *съпаси* в первой части надписи.

Все сказанное до сих пор позволяет предложить следующую реконструкцию надписи 182-Б (рис. 2):

(сѣ)ѿиѿ [н] н[н]кола [н] с[в]ѣа(ѿ) [тро]иц[а] (с)ѿси (по)
 многа (м)ѣста (н) [аш]его владѣѣ
 к(о) [ѿ] сѣа(ѿ с)оф(н) ѿ моудрость (ѿиѿ съ сѣми)
 ѿ-ми з[а]р...¹¹

¹⁰ Для сравнения: в Софии Киевской на фреске с изображением Сорока мучеников имеется 28 обращенных к ним молитвенных граффити, и во всех случаях обращение имеет вид *святѣи 40* (с факультативным добавлением слова *мугеници*) (Корниенко В. В. Граффити — молитвы к Сорока святым мученикам в крещальне Софийского собора: К проблеме изучения культов святых в Киевской Руси // Софійські читання. Вип. 4. Матеріали ІV Міжнар. наук.-практ. конф. «Пам'ятки Національного заповідника "Софія Київська": Культурний діалог покоління» (Київ, 25–26 жовтня 2007 р.). Київ, 2009. С. 218–242). Прилагательное отсутствует в надписи № 239 новгородского собора, которое в новом прочтении имеет вид: сѣ[м]ока ѿ[л]о | на каночно | ѿридсѣтъ (т. е. <сорокдесять>) (Гиппиус А. А., Михеев С. М. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора // Письменность, литература, фольклор славянских народов: История славистики: XV Междунар. съезд славистов. Минск, 20–27 авг. 2013 г. М., 2013. С. 165). Но здесь мы имеем дело со святочной датой, а не молитвенным обращением.

¹¹ Специально оговорим такую языковую особенность надписи, как последовательное употребление именительного падежа вместо ожидаемого звательного: (сѣ)ѿиѿ [н] н[н]кола, с[в]ѣа(ѿ) [тро]иц[а], сѣа(ѿ с)оф(н) ѿ. Оснований сомневаться в древности текста или адекватности реконструкции эта черта не дает: то же явление находим и в недавно открытой надписи, сопровождающей изображение Христа-иерея на древней обмозке западного фасада Софийского собора, сделанной, скорее всего, еще в процессе строительства: гѣ помози рабѣ своемѣ петр (sic!) и свѣтаѿ софіѿ (Гиппиус А. А., Михеев С. М. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора. С. 173, 174). Ср. также обращение сѣѣ миѿала <Михаила> в надписи XII в. на фреске Деисуса в Мартирьевской паперти (Медынцева А. А. Древнерусские надписи

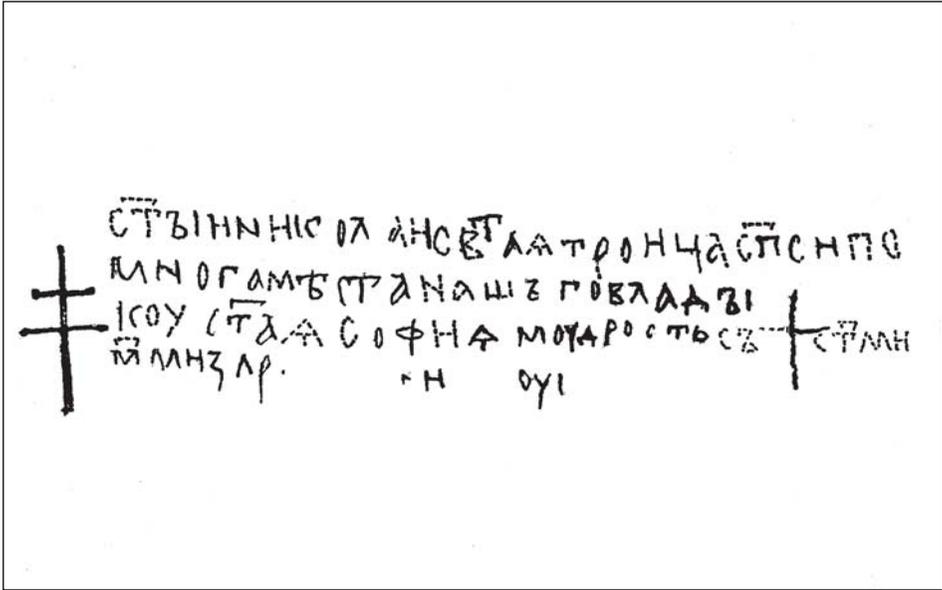

Рис. 2. Надпись 182-Б, реконструкция

‘Святой Никола и святая Троица, спаси на многих местах нашего владыку! святая София, мудрость Божья, со святыми Сорока (мучениками), ...’

Неординарность этого текста особенно ощутима при сопоставлении его с граффито № 175, также представляющим собой молитву за епископа, но оформленным по общему шаблону молитвенной надписи: п(о)мози | гд(и) помози ар[ъхи]еписк[оп]ъ отъц[ем] | наш[ем] | аминь.¹² Мартин, автор надписи 182-В, адресует просьбу о спасении владыки целому сонму небесных сил, сгруппированных в пары: Николай Чудотворец соединен со святой Троицей, а святая София — с Сорока мучениками. Эта группировка представляет известный историко-культурный интерес.

Первое объединение нельзя не поставить в связь с тем исключительным положением, какое св. Николай исстари занимает в русском религиозном сознании. Б. А. Успенский, приводя свидетельства экстраординарного, граничащего с обожествлением, почитания этого святого, отмечает, в частности, бытующее в народной среде «представление о том, что Никола входит в Троицу: еще в XIX—XX вв. можно встретить мнение, что Троица состоит из Спасителя, Богоматери и Николы».¹³ Если не Троицу в таком анти-канон-

Новгородского Софийского собора. С. 152–153, 288 (рис. 130, № 210)). Очевидно, во всех этих случаях мы имеем дело не с утратой звательной формы, последовательно сохранявшейся в Новгороде на протяжении всего древнерусского периода, но с ее окказиональным неупотреблением, возможно спровоцированным формой прилагательного, общей для именительного и звательного падежей.

¹² Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. С. 112, 269.

¹³ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 7.

ническом понимании, то, во всяком случае, устойчивую триаду, лежащую в его основе, демонстрирует надпись, открытая С. М. Михеевым в нижнем ярусе лестничной башни Софийского собора и, судя по одноеровой орфографии, сделанная не позже первой половины XII в.: ох(ъ) тѣщѣно хѣтъне (Ѩа)лъ въ бѣдѣ бѣе помагаи и ты хѣсте и ты сѣтии микоуло... 'Ох, тошно! Хотен писал в беде. Богородица, помогай! И ты, Христос, и ты, святой Микоула!'¹⁴

Основанием для второго объединения послужило, очевидно, восприятие Сорока севастиийских мучеников как святых, особо приближенных к Христу, с которым в восточно-христианской традиции была соотнесена фигура Софии-Премудрости. Основанное на тексте жития, это представление нашло зримое воплощение в иконографической программе Софии Киевской, где заключенные в медальоны образы Сорока мучеников размещены в подпружных арках, поддерживающих купол с изображением Христа-Пантократора;¹⁵ эта композиция была воспроизведена и в Софии Новгородской, а позже — в росписи Нередицы.¹⁶

Нуждается в объяснении то обстоятельство, что организованный парно круг небесных покровителей владыки открывает Никола, предшествуя и святой Троице, и святой Софии (ср. упоминание его третьим в надписи из лестничной башни). Задумываясь о причинах этого, вспомним, что Николой звали автора надписи № 182-А. Хотя в одном случае имя принадлежит мирскому человеку, а в другом — святому, оно каким-то образом связывает два текста. Самым вероятным объяснением этой связи кажется

¹⁴ Гиппиус А. А., Михеев С. М. О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора. С. 163. Ср. также берестяную грамоту № 914 (3-я четв. XI в.), представляющую собой заготовку для произнесения богослужебного отпуска и открываемую теми же тремя именами: хѣса : бѣци : николы... (Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 105).

¹⁵ Лифшиц Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода: Конец XI—первая четверть XII века. М., 2004. С. 326-330; Попова О. С., Сарабьянов В. Д. Живопись конца X—середины XI века // История русского искусства. Т. 1: Искусство Киевской Руси. IX—первая четверть XII века. М., 2007. С. 217.

¹⁶ Связь образов Софии и Сорока мучеников обнаруживает себя и в церковной топографии Новгорода, см.: Гиппиус А. А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XI—XIII вв. // Споры о новгородском вече. СПб., 2012. С. 128—130.

¹⁷ Это могла быть икона или одно из разрозненных, сделанных по сухой штукатурке настенных изображений святых, которые имелись в Софийском соборе и до росписи его основного объема фресками в 1109 г. Заметим также, что среди скопированных В. В. Сусловым рисунков-граффити имеется профессионально исполненный и обладающий несомненными художественными достоинствами образ, чрезвычайно похожий на св. Николая (Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. С. 217. Рис. 25). Как следует из подписей на кальках, хранящихся в Музее Академии художеств (Фонд архитектуры, калька № 2), этот рисунок, сделанный где-то в алтарной части собора, составлял пару к располагавшемуся рядом с ним на той же высоте и имевшему те же размеры изображению Христа-Пантократора. Это обстоятельство, на наш взгляд, противоречит трактовке первого изображения как фигуры Христа-иерея (Сарабьянов В. Д. Образ священства в росписях Софии Киевской. Ч. 2: Программа Софийского собора и древнерусские памятники XI—XII столетий // Искусствознание. 2012. № 2-3. С. 33), делая более вероятной атрибуцию его как св. Николая (Лиф-

предположение, что надписи были сделаны рядом с образом св. Николая.¹⁷ «Пришелец из Киева» вполне мог сделать свою надпись на участке стены, прилегавшем к изображению его святого патрона. Но почему именно к Николе в первую очередь обращался Мартин, прося о спасении владыки «на многих местах»?

Ключ к ответу, возможно, содержит сама эта формулировка. Она естественна в молитве за человека, проводящего время в разъездах и вдали от дома. Применительно же к епископу, нечасто покидавшему пределы епархии, она, как представляется, должна указывать на какие-то особые обстоятельства, вызвавшие его длительное отсутствие в Новгороде.

Как уже было сказано, прямыми указаниями на то, что надписи 182-А и 182-Б были сделаны в один короткий период времени, мы не располагаем. Но само расположение рядом этих двух крупных текстов, имеющих не частный, а публичный характер и упоминающих первый — киевского князя, второй — новгородского епископа, подталкивает к тому, чтобы рассматривать их совместно. В таком случае обстоятельства, в которых могла быть сделана верхняя надпись, сразу же отыскиваются. Наиболее вероятным временем ее появления следует, на наш взгляд, считать 1055—1057 гг., когда осужденный по обвинению собственного холопа епископ Лука Жидята находился в заключении в Киеве. Рассказ об этих событиях читается в Новгородской первой летописи младшего извода и, с небольшими разночтениями, в летописях Новгородско-Софийской группы:

«В лѣто 6563 [1055]... В семъ же лѣтѣ клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудикы, и изиде изъ Новагорода и иде Киеву, и осуди митрополит Ефримъ, и пребысть тамо 3 лѣта.

В лѣто 6564 [1056].

В лѣто 6565 [1057]. Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, въ Смоленскѣ; и посади Игоря въ Смоленскѣ, а изъ Володимира выведше.

В лѣто 6566 [1058]. Побѣди Изяславъ Голядь. Сем же лѣтѣ архиепископъ Лука прия свои столъ в Новѣгородѣ и свою область. Дудицѣ же холопу оскомины: урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ, и бѣжа в Нѣмци».¹⁸

Как известно, церковное почитание св. Николая Мирликийского выдвигает на первый план его роль как защитника невинно осужденных и одновременно — покровителя плавающих и путешествующих. Оклеветанный епископ Лука, увезенный из Новгорода на митрополичий суд в Киев, нуждался в таком заступничестве как никто другой из новгородских архиереев XI—XII вв. Если надпись имеет в виду его, объяснимым оказывается и скопление крестов вокруг: прочитавшие «сообщение» выражали таким образом свою солидарность с ним, присоединяясь к молитве за владыку. Функция церковной стены как своего рода «социальной сети» проявляется в этом чрезвычайно ярко.

ищи Л. И., Сарабьянов В. Д., Царевская Т. Ю. Монументальная живопись Великого Новгорода. С. 76). Если эта атрибуция верна, то данная пара рисунков, выполнявших, судя по значительным (около 50 см в высоту) размерам, роль полноценных иконных образов, могла бы составить идеальный контекст для надписей, обращенных к Николе и святой Софии.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 183; ср.: ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. С. 118; М., 2000. Т. 6, вып. 1. С. 183; СПб., 2002. Т. 42. С. 65.

Связав надпись 182-В с епископом Лукой, еще раз бросим взгляд на ее реконструкцию. Как можно видеть, вторая строка получилась у нас существенно короче остальных. Между тем, окончание этой строки допускает конъектуру, выравнивающую границы строк: *нашего влады(кѣ Луѣ)коу*. Мы сознательно не стали обсуждать этот вариант ранее, чтобы не предопределять таким образом исторической интерпретации текста. Разумеется, настаивать на нем не приходится.

Надпись 182-Б, возможно, — не единственное эпитафическое свидетельство драматического эпизода ранней истории новгородской кафедры. Обратим внимание на еще одну кальку В. В. Суслова, зафиксировавшую небольшую двустрочную надпись (рис. 3).¹⁹

В начале текста, несмотря на утраты, уверенно реконструируется записанная с ошибкой (*n* вместо *m*) молитвенная формула: *(гѣ) [п]оно[з](и р)авоу (с)[в]оѣ[м]оу*. В следующем слове (очевидно — имени) первая буква не может быть трактована как *б*, от которого её отличают сильный правый наклон и два лишних штриха внизу; это может быть только *д* с высоко расположенным отворотом вправо (ср. аналогичные отвороты влево в надписях 182-Б и 182-В). Следующий знак, имеющий вид сдвоенного *о*, скорее всего — обычное *о*, к которому прорисовщик добавил правую часть, приняв за нее случайные царапины. Исход словоформы надежно восстанавливается как *...d[u]цѣ*. Получаемое чтение допускает единственную реконструкцию: *До(у)d[u]цѣ*, что предполагает форму именительного падежа *Дудица* или *Дудика*. Но прозвище *Дудица* древнерусским источникам не известно; носитель же имени *Дудика* известен только один — так звали холопа, оклеветавшего Луку Жидяту.

К личности этого персонажа недавно привлек внимание А. В. Назаренко. Обратив внимание на странный для славянского производного от *дуда* формант *-ика*, однозначно предполагаемый формой родительного падежа *Дудики*, исследователь указал на присутствие этого имени в средневековом немецком антропонимиконе, где оно представлено уменьшительными формами от имени *Dudo*: *Dudiko*, *Tu(o)ticho* и др. Немецкие аналогии замечательно согласуются с летописным свидетельством, согласно которому холоп Дудика, подвергшийся членовредительной казни за клевету, «бѣжа в Нѣмци». «Имело бы смысл, — пишет А. В. Назаренко, — задаться вопросом: что это за странный “холоп”, которому в его увечном положении есть чего искать за морем? Его роль в деле епископа Луки также подсказывает, что вряд ли мы имеем дело с простым подневольным слугой; видимо, то был челядин из доверенных людей новгородского владыки (вроде тиуна-ключника), скорее всего, книжный».²⁰ Если перед нами действительно автограф Дудики, эта характеристика подтверждается: автор граффито не только был грамотен, но и — судя по тому, что надпись была сделана на хорах собора, куда доступ был открыт не каждому, — вполне мог принадлежать

¹⁹ Фотоотдел архива ИИМК. Негатив III-7301.

²⁰ Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне: (Историко-филологические исследования). М., 2009. С. 337. Размышляя о том, как Дудика мог оказаться в Новгороде и в его положении, А. В. Назаренко замечает, что он «мог быть взят в плен в ходе каких-то военных действий — например, в земле эстов, но мог также попасть в холопство как несостоятельный должник».

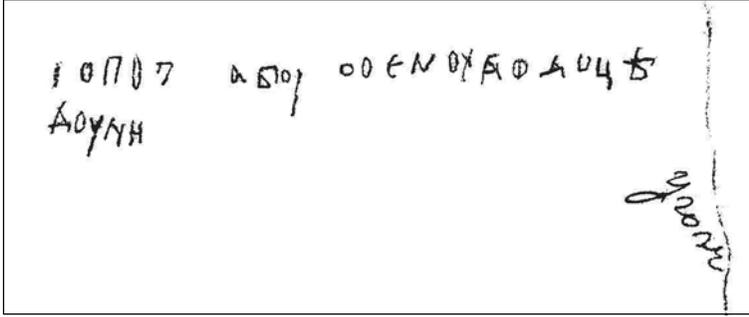

Рис. 3. Надпись Дудики (?), калька

к окружению владыки. Свою надпись он, надо полагать, сделал (*на Ра)дуни(цу)* или (*о Ра)дуни(ци)*, что кажется наиболее вероятной реконструкцией для начала второй строки, от которой сохранились буквы *дуни*.

В связи с предлагаемой трактовкой двух софийских граффити, коснемся вопроса о происхождении летописной информации о клевете на епископа Луку. Проникновение ее в протограф Новгородской 1-й летописи младшего извода (откуда, очевидно, эти сведения попали и в летописи Новгородско-Софийской группы) А. А. Шахматов связывал с составлением владычного свода 1167 г., опиравшегося, в свою очередь, на Новгородский свод XI в.²¹ Восхождение этой информации к своду 1167 г. предполагает и наша реконструкция,²² а также концепция Т. В. Гимона, который, однако, отказываясь от идеи Новгородского свода XI в., склонен относить сведения о епископе Луке за счет устных источников, использованных составителем свода 1167 г.²³ Согласно альтернативной точке зрения, эти сведения носят легендарный характер, представляя собой плод фантазии новгородского сводчика XV в.²⁴

Реальность холопа Дудики с его немецкими корнями, подтверждаемая антропонимическими данными и — если принять нашу атрибуцию — его автографом в Софийском соборе, лишний раз говорит в пользу достоверности летописного эпизода, а значит — и его раннего, не позже XII в., включения в летопись.

Хотелось бы также обратить внимание на следующее. Сведения о епископе Луке, вошедшие в Н1Л младшего извода, ограничиваются делом о клевете и не включают ни имеющегося в Повести временных лет сообщения о поставлении Луки Ярославом в 1036 г.,²⁵ ни известия о смерти епископа,

²¹ Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 1. С. 153–159.

²² Гиппиус А. А. К истории сложения Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 16.

²³ Гимон Т. В. События XI–начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 649–650.

²⁴ Вилкул Т. Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.). 2003. Vol. 11. P. 27–28.

²⁵ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. С. 150.

случившейся по дороге из Киева, «на Копысе», 25 октября 1060 г.²⁶ Похоже, что сводчиком двигал не столько интерес к личности одного из основателей Софийского собора, сколько желание внести в летопись именно данный эпизод.

Такое желание получает понятную мотивировку, если считать, вслед за Шахматовым, что свод был составлен в бытность на кафедре Ильи-Иоанна. Вспомним, что согласно житию, Иоанн, вскоре после избрания на кафедру, был оклеветан, судим горожанами и чудесным образом оправдан. Легендарный характер эпизода и наличие агиографических образцов не мешают, вместе с А. Е. Мусиным, видеть в нем отголосок конфликта, действительно имевшего место между новоизбранным владыкой и городской общиной Новгорода в первые годы епископства Ильи-Иоанна.²⁷ Заметим, что и легенда о ночном путешествии владыки на бесе в Иерусалим, которую этот эпизод продолжает в житии, возникла, по-видимому, не на пустом месте, но отразила в фантастическом преломлении подлинный факт паломничества ко Гробу Господню, совершенного, по всей вероятности, не самим Ильей-Иоанном, а под его эгидой как новгородского епископа.²⁸

Включение в новую редакцию владычной летописи рассказа о клевете на епископа Луку, его последующем оправдании и жестоком наказании клеветника предстает на этом фоне как вызванное потребностью защитить подвергшийся испытанию авторитет архиепископа от возможных посягательств на него в будущем. «Оскомины» Дудики пришлось для этого как нельзя более кстати.²⁹

²⁶ ПСРЛ. Т. 4. С. 120; Т. 6, вып. 1. С. 183; Т. 42. С. 66.

²⁷ Мусин А. Е. 1) 1165 год: Архиепископ Илья-Иоанн и комплекс церковных древностей с Федоровского раскопа // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 147–158, особенно с. 155–156; 2) Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв.. СПб., 2013. С. 52.

²⁸ Назаренко А. В. Крест «Иерусалимский»? «Новгородский»? «Хильдесхаймский»? К истории одной древнерусской паломнической реликвии // Православный паломник: Журнал Паломнического центра Московского Патриархата. М., 2003. № 6. С. 54–58. Главным свидетельством здесь оказывается не сам «Хильдесхаймский» крест, датировка которого XII в. остается спорной (ср.: Декоративно-прикладное искусство Новгорода: Художественный металл XI–XV вв. М., 1996. С. 87–88, 195–201. Кат. № 32; *Lehfeldt W.* Die altrussischen Inschriften des Hildesheimer Enkolpions // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse.* 1999. Nr. 1, S. 30), но запись в рукописи XVI в., сообщающая о хождении в Иерусалим из Новгорода «сорока калик» в 1163 г., при архиепископе Иоанне и князе Ростиславе (*Марков А.* Предание о сорока новгородских каликах // *Этнографическое обозрение.* М., 1902. Кн. 53. № 2. Смесь. С. 144–148).

²⁹ Сходство разделенных столетием с небольшим ситуаций усилится, если учесть обстоятельство, верно отмеченное В. В. Мильковым: по византийскому законодательству (а его применение в случае с Дудикой не вызывает сомнений) клеветник подвергался тому же наказанию, какое полагалось за преступление, ставшее предметом ложного обвинения. Поскольку урезанием носа византийская «Эклога» предписывала карать за разные виды блудодеяний, логично думать что Луке инкриминировалось, среди прочего, и такое преступление (*Мильков В. В.* Новгородский святитель Лука: Характер деятельности и идейные аспекты творчества // *Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010.* С. 209–211). Но ведь именно как «блудник» был, согласно житию, обвинен новгородцами по наущению мстительного беса архиепископ Иоанн!

Не обойдем стороной и сообщения Никоновской летописи о том, что у холопа Дудики были сообщники — Козьма и Демьян, участвовавшие в навете и также понесшие суровое наказание.³⁰ Несуразность наделения клеветников именами святых врачей выдает вторичность этой детали, но она же позволяет предполагать в ней не просто вымысел, но какое-то искажение исходной информации. А. А. Шахматов полагал, что источник Никоновского свода переосмыслил таким образом дату суда над Лукой, читавшуюся в Новгородском своде XI в., и следующим образом реконструировал текст последнего: «... и иде Киеву, и осуди и митрополить Ефремъ на Козму и Дамияна, и пребысть тамо три лѣта».³¹ Д. С. Лихачев, рассуждая в том же направлении, допускал, что в первоначальном рассказе могли упоминаться выступившие против епископа «люди прихода Козьмы и Демьяна».³² Отсутствие данной детали в НЛ и Новгородско-Софийских летописях заставляет думать, однако, что ни в своде 1167 г., ни в его возможном источнике XI в. (вопрос о существовании которого мы здесь не рассматриваем), ни о каких сообщниках Дудики не говорилось. Учитывая сомнительность Никоновской летописи как источника по ранней истории Руси, эту информацию вполне можно было бы совсем не принимать во внимание. Если бы не следующее совпадение, неожиданно возвращающее нас к отправному пункту этой работы: автор надписи 182-А, «пришелец» из Киева Никола, представлял в Новгороде не только «своего князя Ярослава», но и «церковь святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна». Соседство с его автографом молитвы за опального епископа заставляет задуматься: не был ли автор надписи, наделенный административными полномочиями и, возможно, в той или иной форме участвовавший в деле Луки, тем лицом, чья связь с церковью Козьмы и Дамияна дала импульс к возникновению устного предания, отголосок которого докатился до нас в виде имен мифических сообщников Дудики? Механизм этого «испорченного телефона» не поддается реконструкции, но если он существовал, то сведения о «Козьме и Демьяне» могли быть транслированы только путем, отличным от того, каким исторически достоверная информация о клевете на епископу Луку попала на страницы владычной летописи.

³⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. 91.

³¹ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 1. С. 175, 446.

³² Повесть временных лет / Подгот. текста, статьи, коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 390—391.